

Часть V

Глава 1

А.Ф.Зеленина

На воде еще лежали полосы света от лучей уходящего за горизонт солнца, а от реки уже потянуло сыростью, и легкий серый туман стал постепенно расстилаться по земле, предвещая скорые сумерки.

На отвесном берегу Камы, недалеко от города, как раз напротив собора, расположенном в городском саду, виднелся дымок от костра. Тропинка к этому месту вела через овраг... Молодая женщина замедлила шаг буквально на несколько секунд и стала спускаться вниз, чтобы потом взобраться наверх.

- На природе отдыхаете?

Сидящие у костра от неожиданности вздрогнули, повернув головы в сторону женщины.

- Что молчите? Приглашайте к своему костру! Вон как у вас печенками вкусно пахнет! Угощаете?

Они молча подвинулись, освобождая место. А один вскочил и подбежал к краю полянки, откуда была видна ведущая снизу к ним тропа.

- Не бойтесь, милицию с собой не привела, - угадывая их мысли, женщина скинула с плеч пиджачок и, расстелив его на траве, подсела к костру. - Ну, раскошеливайтесь!

Незаметно она быстро окинула взглядом лица ребят, а это были подростки лет 14-17, и отметила про себя, что напряжение, вызванное ее внезапным появлением, начало спадать. Сидящий рядом пацан протянул ей печеную картошку, только что вынутую из костра.

А.Ф.Зеленина (Чеснокова)

детдом №1

- Не обожгитесь, горячая,- буркнул он.

Женщина легко подхватила картофелину и стала перебрасывать ее из руки в руку, остужая:

- Отбой, между прочим, давно уже был.

- А нам плевать!

- Зачем в детском доме таких, кто не подчиняется внутреннему распорядку?

- Попробуйте выгнать – Вам же хуже будет.

- Подкованные,- она внимательно взглянула на говорящего. «Вот этот и есть у них главарь,- мелькнула мысль.- Остальные ему в рот смотрят». Женщина разломила картофелину и стала не спеша ее есть. Она знала, что картошка ворованная, с огородов местных жителей. Знала, что у костра эти восемь парней – отпетые хулиганы, с которыми давно уже не связываются воспитатели, махнув на них рукой. Мало того, сотрудники детдома, которые все женщины, откровенно побаиваются их. Знала, что под пиджаками на поясе у каждого висит нож. Но знала и другое: пока они будут себя так вести, в детском доме, вверенном ей, порядка не будет.

- А Вы к нам директором надолго?

- Насовсем,- спокойно ответила она.

Кто-то недоверчиво хмыкнул.

- Дай-ка еще картошечки! Тебя как зовут?..

В райкоме партии не ошиблись, выбирая кандидатуру на директора детского дома №1. Александра Федоровна Зеленина, а это она сидела у костра, после окончания Оханского педагогического училища была направлена на работу в Казанскую неполную среднюю школу учителем немецкого языка. В 1939 году по семейным обстоятельствам переведена на преподавательскую работу в Оханскую среднюю школу. В сентябре 1940 года на районной комсомольской конференции ее избрали первым секретарем Оханского райкома комсомола, и в этом же году она вступила в ряды коммунистической партии. А ровно через год по решению бюро райкома партии она была направлена на работу директором первого детского дома, самого на то время проблематичного в отношении дисциплины, учебы. Воспитатели оттуда старались побыстрее уйти, дети бродяжничали, воровали. Бывало, ночами отсутствовало по 20-30 воспитанников. Успеваемость составляла всего лишь 40 процентов. Сюда бы впору крепкому мужику идти работать, а не молодой женщине, которой исполнилось всего 22 года. Причем, на руках у нее было трое малолетних

детей и старенькая мать. Муж ушел на фронт в первые же месяцы войны. Отказаться? Может быть, и приходила такая мысль Александре Федоровне, но, во-первых, в то суровое военное время это было просто не осуществимо: ты – коммунист, тебе дан приказ. Во-вторых, не такой характер был у Зелениной, чтобы без боя сдаваться. И она приняла бой.

Мало кто знал, насколько тяжело ей было. Уходила из дому к утреннему подъему, приходила после отбоя. Все домашние дела делала ночью, и родные дети ее почти не видели. Благо, жила она прямо на территории детского дома, в небольшом домике, где сочли возможным выделить ей пару комнат.

Надо было все создавать вновь, и в первую очередь – педагогический коллектив и детские организации, которые бы стали помощниками взрослым. И воспитатели, и ребята чувствовали силу характера молодого директора. Первое время каждый вечер, взяв с собой единственного в детском доме мужчину – истопника, она отправлялась по спальням. Заходила, переворачивала матрацы и извлекала оттуда разное «оружие», вплоть до ножей, отмычек. В основном, все это было у переростков, которые и подчиняться дисциплине не хотели, и детский дом не покидали, потому что тут для них были и крыша, и постель, и еда. Необходимо было сломить их сопротивление, заставить подчиниться. А что она имела в своем арсенале? Силу убеждения? И она училась убеждать. Вставала перед зеркалом и говорила, стремясь и мимику, и тон, и подбор слов подчинить одному – тому, в чем она хотела убедить человека. И она научилась очень хорошо говорить, она заставляла слушать. Причем, самообладание не подводило ее. Она знала: почувствуй подросток слабину в ней – все дело пойдет насмарку. И ей всегда приходилось быть сильной. Даже когда пришла с фронта похоронка на мужа. Кто видел, когда она плакала? Хотя ведь она была не железной. Красивая, с вьющимися пышными белокурыми волосами, которые она заплетала в косы, Александра Федоровна была такой же женщиной, как все. Но так повернулась жизнь, в которой ей на себя пришлось принять тяжелую ношу.

- В центре города есть незастроенная земля. Отдайте ее нашему детскому дому,- обратилась она с просьбой в горсовет. Ей отказали. Она пошла в райисполком. Рассказала, как нужен ребятам свой огород, чтобы трудились и не воровали овощи с огородов жителей. Но ей снова отказали. Пошла тогда к первому секретарю райкома партии. И добилась. Дали им землю, где они посадили свой огород и даже развели сад.

Красивый это был сад в центре города, которым гордились детдомовцы. Решила и еще проблему – с баней. Детей водили в городскую, что было неудобно ни сотрудникам детдома, ни горожанам, для которых в дни помывки детей баня была закрыта. Построили свою баню в детском доме. С прачечной. В швейную мастерскую были приняты две профессиональные швеи, чтобы шить одежду на воспитанников. Развели свиней. В меню детского дома всегда стало присутствовать мясо. Ведь шла война, и с питанием, хотя детские дома государство не забывало, приходилось туго. К 1942 году обновился и педагогический коллектив. Точнее, он был создан вновь.

Кто принял требования нового директора и стал надежным товарищем в работе?

Слева направо в первом ряду: К.Ф.Аристова, Н.В.Сапожникова, А.Ф.Зеленина, А.Ф.Лазарева, А.П.Окулова, во втором ряду: А.П.Домрачева, П.Полякова, Л.П.Лазарева, О.И.Бондарева, З.Кутюхина, в третьем ряду: А.С.Бояршинова, Л.Евсеева, Д.П.Лазарева.

Долгое время завучем первого детского дома работала Анна Федоровна Лазарева. Начиная свой трудовой путь воспитателя она в Оханском детском городке, в детский дом №1 перешла из второго детдома. Или Александра Федоровна ее «переманила», или ей самой по душе пришелся молодой и энергичный директор, а вернее всего, присутствовало и то, и другое. Ее любили педагоги за спокойный, уравновешенный характер, за улыбку, от которой становилось теплее на душе. Она умела доброй шуткой снять напряжение, даже раздражение, с которым приходил порой воспитатель. Умела понять его и успокоить. Ребята относились к Анне Федоровне с уважением. А директору она была хорошим помощником. Три ее дочери – Людмила Петровна, Алевтина Петровна, Диана Петровна – тоже стали педагогами. Окончив Оханское педучилище, работали в этом же детском доме воспитателями. Людмила Петровна в Великую Отечественную ушла на фронт, впоследствии долгие годы она работала в Оханской вечерней школе. Алевтина Петровна уехала из Оханска и продолжала педагогическую деятельность в другом месте. Диана Петровна осталась воспитателем детского дома и до его расформирования работала там, потом перешла в школу-интернат и оттуда вышла на заслуженный отдых.

Трудное время становления коллектива воспитателей и детского коллектива разделяла с Зелениной Клавдия Федотовна Аристова. Ей было всего 23 года, но ее стаж работы воспитателем составлял уже шесть лет. А детдомовская жизнь была понятна и близка еще раньше. Дело в том, что Клавдия Федотовна сама в восемь лет осталась без родителей: мать

К.Ф.Аристова.

умерла, отец погиб в гражданскую войну. Воспитывалась в Чердынском детском доме, после семи классов закончила педучилище и шестнадцати лет стала работать воспитателем. В 1937 году, когда дети Александровского детского дома были переведены в Оханский детский городок, Аристова приехала вместе с ними и стала работать воспитателем в детских домах Оханска. Ребята любили ее, хотя она была строгая, требовательная. «Но справедливая», - всегда добавляли они. И это для них было очень важно. Клавдия Федотовна сначала была просто воспитателем, потом – заведующей интернатом. Молодая, красивая, ей жить да жить бы! Тем более она так нужна была и ребятишкам, которым порой заменяла мать, и своей дочке Вере,

родившейся в 1938 году. Но здоровье как-то всегда ставилось на второй план. Заболела воспалением легких, но на работу ходила: как, мол, там управятся?! Потом воспаление легких повторилось, и опять не долечилась. В итоге ей был поставлен страшный для того времени диагноз: туберкулез. Лечение помогало, но ненадолго. А тут и жилищные условия способствовали развитию болезни: она с ребенком ютилась в комнатке подвального помещения, где было сыро. Дом принадлежал детскому дому, который другого жилья просто не имел. А для Веры детский дом стал родным. Она росла среди детдомовских детей, с ними играла, с ними училась, а когда мама уезжала на лечение в санаторий, Вера и жила в детском доме. И надежнее друзей, чем детдомовские, у нее не было. Впоследствии она и замуж вышла за воспитанника детского дома Геннадия Поташкина. И свой трудовой путь начала, как и мама, в детском доме: работала пионервожатой. В 1956 году Клавдию Федотовну вывели на инвалидность, ей исполнилось всего 38 лет. Через три года ее не стало.

Многие воспитанники добрым словом вспоминают Нину Васильевну Сапожникову. Она работала воспитателем. Но она была далеко не только воспитателем. Это был творческий, можно даже сказать, артистичный человек. Отвечая в детском доме за художественную самодеятельность, Нина Васильевна учила детей искусству декламации. А какие спектакли ставили ребята под ее руководством! И «Снегурочку», и «Золушку». В военное и послевоенное время о каких костюмах можно было говорить, о каких декорациях? А у нее все было. Шили из лоскутков, из старых вещей, клеили из бумаги. Что могла, она приносила из дому. И столько выдумки у нее было, что костюмы получались прекрасные. И дети играли свои роли тоже прекрасно.

Совсем юной пришла работать воспитателем Валентина Яковлевна Дружинина (впоследствии - Березина). «Добрейшей души человек, говорили о ней ее бывшие воспитанники.- Никогда не скажет: «иди, сделай», а скажет так: «не в службу, а в дружбу сделай это». Ну, как тут откажешь?!» Конечно, не у всех получалось. Некоторые уходили из детского дома. А некоторые оставались, но подхода к детям найти не умели. Чего греха таить, могли и оскорбить ребенка, и вызвать своими антипедагогичными действиями ответную агрессию. С кадрами, как и прежде, в детских домах было сложно. Со специальным педагогическим образованием воспитателей хронически не доставало. Принимать приходилось порой людей просто с общим средним образованием, а то и с семилеткой. Выбор обычно основывался на том, что женщина – хорошая домохозяйка, мать, в надежде, что она сможет работать и с чужими детьми, воспитывать, учить их жизни. Но, к сожалению, надежды не

всегда оправдывались. Вот почему Александра Федоровна с радостью принимала молодых специалистов, хотя у них и не было совсем никакого опыта: ни профессионального, ни жизненного. Зато из них можно было сделать хороших воспитателей, и она брала их под свою опеку. Несмотря на строгость, большие требования к воспитателю, директор по-матерински относилась к этим, совсем еще юным выпускницам педучилища, и именно под ее руководством вышла целая плеяда настоящих педагогов. Тем более она была еще и инициатором того, чтобы бывшие воспитанники шли работать в детский дом, предварительно закончив педучилище. Всячески способствовала этому, давая возможность девочкам, поступившим туда после семилетки, жить и питаться при детском доме. В начале 50-х годов только из одного выпуска детского дома 18 человек поступили в педучилище. Из второго выпуска выбрали путь педагога еще не менее десятка воспитанников. А через два года некоторые из них уже пополнили педагогический коллектив детского дома. Но это было позже. В начале сороковых кадровый вопрос стоял остро.

Коллектив детского дома в 1947

Глава 2

Саша

А.С.Бояршинова.

После окончания Оханского педучилища Сашеньку Казымову направили в школу города Бerezники. Но она пошла к заведующей районо П.С.Вшивковой и попросила оставить ее в Оханске. Папа умер, а мама болела, около нее, по стечению обстоятельств, никого из детей их большой семьи не было, и Александра не могла ее оставить одну.

- А пойдешь в детдом? – испытующе строгий взгляд Прасковьи Степановны, казалось, хотел просверлить насквозь девушку: мол, не струсишь?

- Пойду! – выпалила Саша, радуясь только одному: мама не останется теперь одна.

1 июля 1942 года 18-летняя Саша предстала перед директором Оханского детского дома А.Ф.Зелениной.

- Работа с Александрой Федоровной для меня стала стартовой площадкой в жизни,- вспоминала впоследствии Александра Степановна Бояршинова (девичья фамилия – Казымова).- Она любила меня и доверяла мне. А я училась у нее требовательности, рассудительности, уважительному отношению к детям.

Заведующая интернатом, куда распределили молодую воспитательницу, была очень суровым человеком. Может, жизненные невзгоды сделали ее такой. Она была эвакуирована из Москвы. Но Александра не принимала ее методы воспитания. Сама в семье не выдавшая грубости, она сжималась вместе с детьми от окриков этой женщины. А у той была привычка делать наставления воспитанникам перед едой, когда они уже сядут за столы. Стоя у печки, обитой черным железом, она говорила и говорила им, как надо себя вести... Однажды на ужин дали к порции каши по кусочку селедки, ароматный запах от которой у проголодавшихся ребятшек еще больше возбуждал аппетит. У них в буквальном смысле слова слюнки текли, а есть было нельзя, пока не закончатся наставления. В каком-то смысле это было издевательство над детьми. И вдруг Александра Степановна увидела, что один из мальчиков тихонько схватил с тарелки кусок селедки и... «Ваня, Ванечка, не надо!»- молила она про себя, поняв, что он хочет запустить им в заведующую. За такой

поступок его ждало бы строгое наказание, вплоть до отправки в специнтернат. «Я никогда не буду с детьми такой», - решила девушка.

Дети ее любили и старались не подводить. И вдруг такой случай.

- Александра Степановна! Маши Воропай нет!

Дело шло ко сну. Сбежала? Где искать? Интернат так просто не оставишь, она в нем одна из взрослых.

- Разрешите нам сбежать до помойки, - подошли к расстроенной воспитательнице двое старших мальчиков – Иосиф Франц и Ваня Бородин.

Вскоре они привели потерявшуюся девочку.

Маша, до того, как попасть в детдом, испытала сильный голод, и с тех пор все время хотела кушать. Она не наедалась. Желание еще что-нибудь поесть было непреодолимым. А сказать об этом стеснялась. И бегала потихоньку на помойку, чтобы найти там что-нибудь съестное.

Мальчишки ее стали ругать:

- Ты зачем в смену Александры Степановны ушла?

- Смешные, они не хотели подвести меня, - вспоминала женщина. - А я жалела Машу, убеждала ее в следующий раз, если очень захочет есть, сказать мне. Найдем что-нибудь на кухне.

Штат в интернате состоял всего из трех педагогов: заведующей и двух воспитателей на 36 воспитанников – учащихся с 1 по 4 классы. Но как только фашистов изгнали из-под Москвы, заведующая уехала. А за ней вскоре и вторая воспитательница, добродушная и веселая украинка, тоже эвакуированная. Да и уборщицы (ночных нянь тогда не было, и в какой-то степени их функции выполняли уборщицы, находясь в интернатах ночью)

Младшие школьники, в центре – А.С.Бояршинова.

рассчитались. Александра Степановна на какое-то время осталась одна на весь интернат. И за воспитателя, и за уборщицу. И ночевать приходилось здесь, так как детей не с кем было оставить.

Она любила их. Молодость не мешала ей прочувствовать душу сиротства этих детишек.

- Александра Степановна, а Вы погладите меня по головке перед сном? - спрашивал вечером Коля Зубков.

- И меня! - просил другой мальчуган Хайм Поповский.

И через многие года она их всех помнила по именам. Помнила их вопросительные, порой не по-детски серьезные глазенки. Иногда они были слишком печальные, иногда – испуганные. И реже – веселые, беззаботные.

- Старшие дети старались мне помочь: бегали получать белье у кастелянши, водили малышей в баню. Это был Иосиф Франц, Ваня Бородин, братья Батуевы – Коля и Юра, Вера Суворова. Кое-кто из воспитанников работал: Коля Лебедев и Коля Белоусов – на подвозке воды, Леня Федоровский – за кладовщика.

- Только я все равно очень уставала, - отмечала в своих воспоминаниях Александра Степановна. - Придешь в дирекцию детского дома – глаза бы ни на что не глядели. Но завуч А.Ф.Лазарева расспросит обо всем, посоветует что-нибудь, потом пошутит – и полегче вроде становится.

А.С.Бояршинова работала в первом детском доме до 1950 года. Жаль с ней было расставаться директору. Александра Федоровна чувствовала, что в девушке есть дар педагога. Но с детства слабые и больные голосовые связки стали все чаще напоминать о себе: голос пропал раз, другой, и для его восстановления требовались месяцы. Как тут работать с детьми? Пришлось думать о смене профессии. Воспитанники не забывали свою воспитательницу: навещали ее, хотя она уехала из Оханска, писали ей, звонили... Но перелистаем страницы жизни Оханского детского дома №1 в обратную сторону. Вернемся немного назад, к первым годам работы директора А.Ф.Зелениной. Надо сказать, что уже за год она сумела добиться немалых успехов.

**Директор и воспитатели,
1945 год.**

В 1942-1943 учебном году детский дом №1 имел стопроцентную успеваемость. Бродяжничество, воровство прекратилось. Наладилась дисциплина. Наладилась жизнь детей. Переростки, в основном, были трудоустроены. Кто-то из них стал работать тут же в детском доме: на подвозке воды, на других хозяйственных работах. Но трудностей не убавилось. В детские дома все больше и больше стали поступать дети из блокадного Ленинграда, из-под бомбежек, вывезенные с оккупированных фашистами территорий.

Глава 3

Анатолий Павлов

А.П.Павлов

Среди детей войны был восьмилетний мальчик Толя Павлов. Но лучше его самого не поведать о том времени. Итак, рассказ Анатолия Петровича Павлова, инженера-строителя, кандидата технических наук:

«Родился я в 1935 году в деревне Клишино (или селе Левино?) на севере Смоленской области в крестьянской семье, в которой было четверо детей, я – младший. Старшая сестра Женя еще до войны уехала в Ленинград, где и перенесла всю блокаду города гитлеровскими извергами. После этого всю свою жизнь мучилась головными болями.

В жаркое лето 1941 года в нашу деревню вошли немецкие солдаты. Уже через месяц они провели «назидательно-предупредительный» расстрел десяти жителей, согнав на берег речки-ручья всю деревню и заставив поднять детишек на плечи взрослых, чтобы все увидели эту экзекуцию и убоялись впредь помогать возможным партизанам. (Естественно, у меня вызывает возмущение намерение каких-то недоумков поставить на смоленской земле памятники погибшим там немецким солдатам в годы Великой Отечественной войны).

Отец, призванный в армию в самом начале войны, в ноябре 1941 года попал в плен и погиб в лагере (это я узнал уже через много лет после войны из военных архивов).

Через деревню много раз проходили немцы и забирали все, что можно было съесть. Понятно, что мы вскоре стали голодать. Мама умерла зимой 1942 или 1943 года. Умирая, просила: «Спасите последнего!» От бессилия ей и могилу достаточной глубины выкопать не могли. Мне трудно понять, как мы дожили до освобождения.

Из событий лета 1941-го в детской памяти остался такой эпизод: по уклону небольшой поляны движется немецкий танк, ему навстречу ползет наш солдат с ручной гранатой, к которой привязано еще несколько гранат (в то время, вероятно, у нашей пехоты еще не было противотан-

ковых гранат)... Мы из деревни, находившейся на небольшой высоте, напряженно наблюдали за этим поединком. Боец подорвал гусеницу танка и погиб сам.

Зимой 1943 года немцы отступали и через нашу деревню. И началось уничтожение мужского населения. Подростков выводили на берег речушки и расстреливали. Старший брат Миша, вероятно, куда-то в это время сбежал, а во мне – оборвыше не опознали мальчишку. Непонятно, как мне удалось потом погрузить на деревянные саночки-розвальни замерзшее тело двоюродного брата Кости. Дальнейшее не помню. К сожалению, из нашей семьи на сегодняшний день в живых я остался один и расспросить о тех событиях у старших уже не могу.

После освобождения летом 1943 года нас, оставшихся без родителей, стали собирать и вывозить на телегах к какой-то железнодорожной станции: проезжали через деревни и поселки, от которых остались только печи с высокими, как мне казалось, трубами. Довезли до Москвы и всех пропустили через санообработку в каком-то здании из красного кирпича недалеко от «площади трех вокзалов».

На поезде повезли в город Пермь (тогда он назывался Молотов). По какой-то странной традиции при проезде по железнодорожному мосту через Каму нужно было выбросить что-нибудь из вещичек. Все так и делали.

В большом зале речного вокзала Пермь-1 прибывшую партию детей стали сортировать: маленьких по росту в один угол, повыше – в другой и так далее. Я оказался в углу малышни, отдельно от брата и сестры. Но Миша перетащил меня в группу, где был он и сестра Тоня. Так мы вместе и попали в Оханск, где нас определили в «первую точку» (в тот период в Оханске было три детских дома, их почему-то принято было называть «точками», а воспитанников – «первоточниками», «второточниками» и «третьеточниками»). Детдом состоял из четырех интернатов, расположенных в разных домах. Брат Миша быстро сбежал из детдома на Смоленщину домой. Там он сначала работал трактористом, а затем был призван в армию; после службы в армии жил и работал таксистом в Полтаве. К сожалению, близких отношений у нас с ним не сложилось, вероятно, из-за разных судеб. Сестрица Тоня осталась меня опекать. Она получила только начальное образование. Некоторое время ухаживала за детьми Александры Федоровны, а после моего поступления в институт переехала (с помощью старшей сестры Жени) в Подмоскovie и была домработницей в семье врачей.

После санобработки одели нас в «матросочки» и повели по деревянным тротуарам в начальную школу. Там мы окончили четыре класса.

В те годы были очень холодные зимы, и, начиная со второго класса, мы пилили дрова, что было очень тяжело. Кололи дрова ребята постарше. Электрического освещения не было, и мы в темноте садились у горящей

«Нас одели в матросочки и повели в начальную школу».

печки, грелись, рассказывали страшные истории и пели грустные песни, основной из которых была в качестве своеобразного детдомовского гимна «Позабыт, позаброшен...».

Была и необычная забава: проигравший какой-нибудь спор должен был взять из печки головешку и обежать с ней босиком по снегу вокруг дома (а перед этим мы наблюдали из окна за двигающимися в овраге «огоньками», полагая, что это светятся волчьи глаза; наш интернат располагался как раз над оврагом). Но обежать было необходимо, чтобы к тебе не приклеилась презрительная кличка «трус» и ты не был бы отвергнут довольно жестким детским коллективом.

Чтобы теплее было спать под тонкими суконными одеяльцами, мы сдвигали металлические панцирные кровати и сучивались, накрываясь уже двумя одеялами. Любили, когда при свете керосиновой лампы нам читала сказки воспитательница А.П.Домрачева, жившая со своим сыном в подвальном помещении этого дома.

Со временем быт наш стал улучшаться: появилось электричество, стали лучше одеваться.

Непременной была художественная самодеятельность (разыгрывались пьески, декламировали стихи, строили «пирамиды»). Летом ходили по грибы, запасали их на зиму. На телегу ставилась большая деревянная бочка, и мы вокруг нее углублялись в лес, а там уже разбредались во все стороны, и каждый приносил к телеге свою грибную или ягодную лепту, которую сортировали знающие в этом толк взрослые. Любимыми грибами были рыжики. В зимнее время они были хорошим подспорьем к картошке в «мундире». Собирали землянику для госпиталей и малину для варенья на зиму. При этом неукоснительно нужно было выполнить установленную норму по сбору – несколько банок. Без этого обедать не полагалось. (Моя жена Татьяна не перестает удивляться тому, что я до

сих пор при сборе ягод в нашем подмосковном саду ни одну не положу в рот, пока не выполню установленную себе «норму»). Радостными событиями были пионерские костры, которые разжигались на подготовленном в виде большой звезды участке (вырезали дерн) на Зеленой горке на крутом берегу Камы.

Так как наша «первая точка» была ближе всех «точек» расположена к берегу Камы, то мы и «пропадали» на ней: днем плавали, а в сумерках ловили на «наподольники» (самолично сплетенные из нитей старых распущенных чулков шнуры, к которым через 30-40 сантиметров привязывались на леске крючки, на них надевались червяки, и эта гирлянда забрасывалась в реку) ершей. При малом улове ершей насаживали на прутики и жарили на костре, съедали без соли, но с удовольствием. При солидных уловах ершей отдавали на кухню для общего пользования.

Один раз, вероятно, перед началом учебы в третьем классе, участвовал в немотивированной попытке убежать из детского дома «куда глаза глядят». Пошли мы рано утром в сторону реки Очер, шли босиком по стерне, покрытой холодной росой, поджимая пальцы ног от колкости и холода. Нашей «решимости» хватило только до полудня, когда потеплело. Вернулись, ожидая трепки, но ее избежали. Больше в таких «новациях» не участвовали. А по огородам «частников» лазили. Днем незаметно

Пошли умываться! Впереди – Толя Павлов. Ребята идут возле корпуса детдома, в котором размещалась кухня и дирекция. 1948 год.

делали в деревянном заборе «дырку»: вытаскивали гвоздь снизу доски, оставляя ее висящей на верхнем гвозде. И надо было положение этой доски запомнить, чтобы найти ее в ночной темноте, отодвинуть тихонько низ и проползти через эту дырку в огород. Добычей чаще всего была картошка, клубни которой мы выкапывали, не выдирая из грядки вместе с ботвой. И нередко попадались в руки бдительных хозяев. Но грозой для нас был милиционер Полыгалов, он мог и по зубам пройти. Увы, но таскали мы картошку из участков, располагавшихся в «поле», желатель-но возле леса. После удачных набегов уходили в лес, разжигали вечером костер под укрытием мощных пихтовых «лап» и пекли в углях картошку. Это было что-то! Романтично, весело и временно сытно! Огорчительно было, когда находили наше пристанище воспитатели и Полыгалов. После этого нас выстраивали в интернате в линейку, допы-тывались зачинщиков и добивались раскаяния: «мы больше не будем». Однако мы молчали и стояли в линейке подолгу, были случаи, когда кто-то из нас падал от усталости, но это было редко. У меня тогда была странная привычка: улыбаться во время воспитательных наставлений и допросов. И однажды крепко за это мне попало от выведенной из себя Александры Федоровны – летел я из одного угла актового зала в другой, открыв в этом полете дверь в другую комнату. Но мы не особенно обижались на строгости, понимая, что воистину виноваты.

Ранимы мы были безразличным к нам отношением. В классе втором или третьем у нас в течение короткого времени была воспитательницей Софья Абрамовна, которая, открывая дверь в комнаты, бралась за ручки через бумажку и всем своим видом являла безразличность к нам. Мы, малышня, ее ненавидели. Однажды за обедом она одному из нас раскрошила в тарелку с супом пайку черного хлеба (чтобы он не вынес эту пайку из столовой) и отряхнула от крошек свои руки тоже в тарелку. Это был предел нашего терпения – в лицо Софьи полетели тарелки с содержимым. Ее убрали (или она сама ушла) из детского дома.

Зимой после приготовления домашних заданий убегали кататься на лыжах, очень любили играть (гоняться) в салки.

Немецкий язык нам преподавала Эльза Генриховна Беппле. Она была прекрасным педагогом. Учила нас петь на немецком языке «Широка страна моя родная» и переводить стихи Г.Гейне. Однажды в пятом классе я так увлекся переводом стихотворения «Ткачи» и изложения перевода в рифмах, что просидел всю ночь. Я же тогда не знал, что перевод уже был сделан классиками литературы.

Слева третий в первом ряду Витя Угольников, далее – Алеша Мухин; во втором ряду первый справа – Толя Павлов; Вверху стоит последняя – Вера Суворова; Четвертая в третьем ряду – Лида Галкина; в третьем ряду слева третья – З.Д.Кутюхина (Масалкина).

Учился я довольно прилично и потому вместе с Виктором Угольниковым хлопотами Александры Федоровны был оставлен в детском доме для дальнейшей учебы, в то время как другие наши сверстники и сверстницы направлялись в ФЗО и становились к станкам. Честно признаюсь, что тогда я им завидовал, так как они выходили в самостоятельную жизнь. Им пришлось нелегко в той жизни, и честь им и хвала за то, что они сделали своим трудом для страны в те тяжелейшие годы, особенно в 1947 году.

В 1949 году меня в числе лучших учеников-детдомовцев области определили в поощрительную поездку в Москву. От Перми мы плыли несколько дней по Каме (мимо строящейся тогда Молотовской, ныне Камской ГЭС), Волге, через все шлюзы канала Москва-Волга. Конечно, впечатление было неописуемым, и это потом определило мой выбор

С сестрой Тоней, 1949 год.

поступления в вуз – Московский инженерно-строительный институт имени В.В.Куйбышева. Незабываемое впечатление произвела станция метро «Маяковская». Каждый из нас посадил деревце на пустыре перед Водным вокзалом. Через много лет я нашел его, уже большое, и обнял его (хотя мы выходили из детдома не очень-то сентиментальными, как мне кажется).

Думается, нас неплохо учили в средней школе русскому языку и литературе; я мог это ощутить при поступлении в 1953 году в МИСИ (теперь он приобрел статус Строительного университета МГСУ). Очень нравились В.В.Маяковский и Н.А.Некрасов.

По окончании школы я должен был получить медаль, но нектати в момент оформления необходи-

мых документов записал директор школы, а вызов на сдачу экзаменов в МИСИ уже пришел, и, поставив четверку по геометрии (а я ее как раз очень любил), меня выпустили из детского дома. Был я в одном костюмчике и с толикой денег на первый случай. На выпускном вечере мне в качестве награды преподнесли большую тарелку клубники (тогда экзотической для нас ягоды).

При поступлении в МИСИ сдал семь экзаменов. Тогда гидротехническая специальность была весьма престижной, так как в расцвете был «Сталинский план преобразования природы», важной составляющей которого было строительство ГЭС на Волге, Каме, Днепре и подготовка к строительству грандиозных ГЭС в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии.

И после этого напала на меня тоска по детскому дому. Москва мне была чужой и неприветливой.

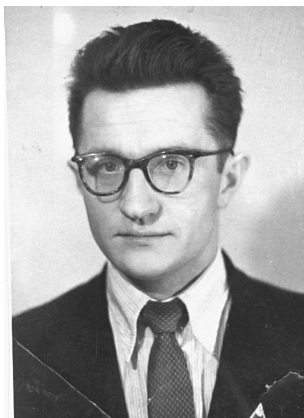
Но отступать было поздно. На первое время меня приютила сестра Женя, семья которой жила в комнатухе подвального помещения в

Банном переулке. Затем жил в Малаховке под Москвой, где институт для студентов снимал комнаты у дачников (комнаты назывались уголками); позднее перебрался в Дорогомиловский студгородок. Жить на одну стипендию было, мягко говоря, голодно. Иногда выручали однокурсники-китайцы, с которыми нас селили в комнаты пополам – два китайца и два русских. Жили с ними дружно. Как же они плакали на Ярославском вокзале при расставании летом 1958 года возле поезда Москва-Пекин! (И каких грандиозных успехов они достигли теперь в гидростроительстве, пока у нас под «водительством Чубайсов и прочих по всей стране, особенно в Сибири, разрушалась мощная инфраструктура, созданная великими усилиями в отдаленных труднодоступных районах страны, китайцы, не меняя политического строя, возвели массу гидросооружений у себя в стране и вышли на международный простор, вытесняя нас с таким трудом завоеванных позиций в Азии и Африке. «Обидно, Зин!»)

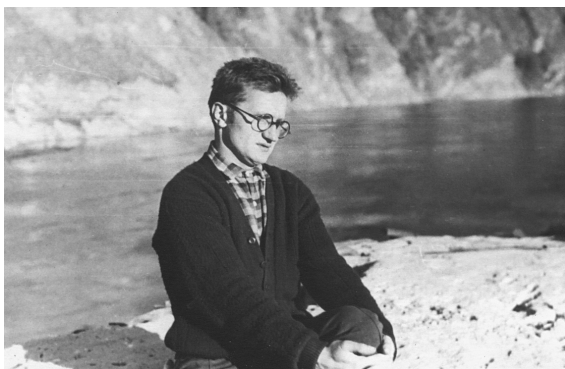
На третьем курсе активно стал заниматься лыжами, был председателем лыжной секции МИСИ. И на лыжных сборах встретил свою будущую долголетнюю жену Танечку Гусеву.

По окончании МИСИ мы с другом Игорем Поляковым добились направления на строительство Мамаканской ГЭС в Иркутской области, первой ГЭС в районе вечной мерзлоты (она расположена на реке Мамакан, притоке Витима, в двенадцати километрах от Бодайбо (там на золотых приисках в 1912 году произошел Ленский расстрел забастовавших рабочих). Климат суровый. Нам пришлось испытать мороз до минус 61 градусов по Цельсию.

В зиму 1959-1960 года около двух месяцев теплее, чем минус 47 градусов по Цельсию, не было. На стройке закончилась солярка. Доставить ее можно было только из поселка Мама, что в 120 километров ниже по течению Витима, с помощью бульдозера, так как лед на Витиме становится торосами высотой до трех метров, и сквозь них нужно было предварительно пробивать дорогу. К бульдозеру была прицеплена большая цистерна, в которой мы должны были привезти солярку. Кабину на бульдозере пришлось снять для возможности быстро спрыгнуть, если бульдозер попадет в коварную полынью под снегом и начнет тонуть.

**После окончания
МИСИ в 1958 году.**

**«И куда же я попал после института?»
Мамакан, лето 1959 года.**

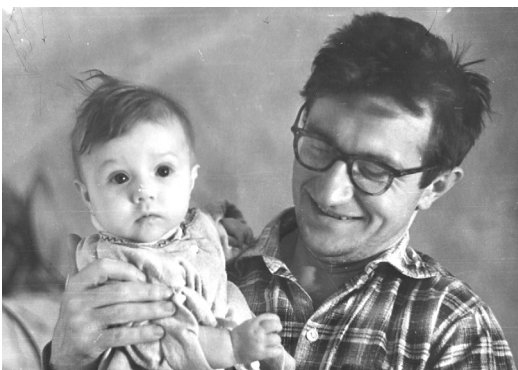
При таких морозах из проломленной полыньи моментально вылетает и все окутывает густое облако водяного пара. Перед нашей поездкой два бульдозера ушли под воду. Бульдозерист Владимир Петько был во истину асом. Мы отцепляли цистерну, разгоняли бульдозер и пробивали несколько метров дороги. При этом бульдо-

зер отбрасывало назад от торосов на несколько метров. Потом прицепляли цистерну и протаскивали ее немного вперед. И так много-много раз. Когда солярка в баке охлаждалась до состояния нетекучести, бульдозер глох, приходилось под ним разводить костер из пакли, обмазанной соляркой. Ночью огромные яркие звезды мерцали между холодными «гольцами» - каменными сопками без растительности, днем при ярком солнце на крутых боках сопки всеми цветами радуги сверкали замерзшие потоки воды, вытекавшие по трещинам из недр сопки. Остановиться для отдыха и сна было негде, полное безлюдье. И так двое с половиной суток пути. Когда мы добрались до Мамаи и попали в тепло какой-то сторожки, то нас сморил сон, из которого мы не выходили около суток. Так и спали в шубах на полу. Возвращались в Мамакан по проторенной дороге уже быстрее, несмотря на то, что наполненная соляркой цистерна врезалась металлическими полозьями в лед и не желала поворачивать вслед за бульдозером. Этим вояжем мы здорово помогли стройке.

Работали мы на строительстве ГЭС с непритворным энтузиазмом и пустили ее в эксплуатацию в установленные сроки. Уже 45 лет она исправно работает в тяжелых климатических условиях. Небольшой эпизод нашей работы приведен в очерке «Анатолий Павлов, инженер», опубликованном в 12-м номере журнала «Юность» за 1960 год.

От автора: И в этом же году писал о строителях ГЭС журнал «Огонек», поместив на свои страницы снимок Анатолия Петровича с подписью «Герой разработки котлована Анатолий Павлов. Он не только отличный инженер, но и превосходный лыжник-разрядник».

Через три года приехала в Мамакан моя Танечка. Там у нас родилась дочка Леночка, которой пришлось в шестимесячном возрасте вылетать в 48-градусный мороз из Бодайбо в Москву через Иркутск, так как меня вызывали в Загранэнергострой для оформления документов на строительство Высотной Асуанской плотины (по-арабски «Саад эль аали») в Египте. Через не-

С дочкой в Мамакане, 1963 год.

делю я был в Каире при 30-градусной жаре! После посещения пирамид и Каирского музея нас отправили поездом в Асуан, который встретил нас уже 40-градусной жарой. Было не совсем комфортно. Через два дня я уже работал на строительстве шести тоннелей диаметром 12 метров – будущих водоводов к зданию ГЭС. В мою смену на работу выходило по 500-600 арабских рабочих, так что пришлось спешно (и успешно!) выучить (конечно, на примитивном уровне) арабский язык, так как переводчики полагались только высоким чинам, да и присланы были туда переводчицы, не знавшие нашей технической терминологии, и пускать их в многосотенную массу арабских мужиков (женщинам там работать запрещалось) было опасно. Вскоре я мог примитивно переводить на рядовых арабо-русских технических совещаниях. Да и большинство наших специалистов, работавших непосредственно на производстве, в той или иной степени овладевали арабским языком, позволяющим им общаться на работе и на базаре. За три с половиной года работы на Асуане с небес не упало ни капельки дождя, жара летом поднималась до 50 градусов в тени, а чернокожие коптские крестьянки даже выпекали тонкие лепешки на раскаленных солнцем камнях.

Запоминающимся событием было перекрытие дамбой Нила и направление его воды через построенные нами тоннели-водоводы. Это произошло 15 мая 1964 года, и на это событие прибыло большинство руководителей стран Азии и Африки. Многих видел близко, так как тогда не так опасались различных терактов. От Советского Союза был Н.С.Хрущев, которому устроили фантастический прием! Сколько быков прислал на заклание президент Гамаль Абдель Насер! Проект Асуанского гидро-

При посещении древнего христианского монастыря Святой Теклы в Сирии.

узла был первым, выигранным в жестоком недоброжелательном к нам международном конкурсе, да и стройка велась на кредиты Союза при техническом содействии наших специалистов. (В марте 2007 года в Асуане отмечали 40-летие с момента пуска в эксплуатацию этого гидроузла, который ЮНЕСКО поставило на шестое место в ряду самых выдающихся творений человека).

После перекрытия Нила был разрешен приезд на стройку членам семей специалистов, и прибыли мои девочки. Жили три года в поселке Сахара, окруженном пустыней с обилием здоровенных скорпионов. Б-р-р-р!

Но и отдыхали в Александрии, ездили на экскурсии по египетским древностям и на тогда безжизненные берега Красного моря. Из фантастического подводного мира привез я домой порядочное количество лично добытых мною кораллов, раковин и два чучела колючих рыб-шаров, с выделкой которых я, как дилетант в этом деле, намучился. В то время советским специалистам не очень препятствовали вывозить в Союз «трофеи моря». Подводный мир Красного моря – это не передаваемая словами фантастика! К сожалению, мы потеряли там одного специалиста, которого отливная волна унесла в море, и спасти его мы не смогли из-за отсутствия даже подручных средств. Так как мне разными путями удалось пять раз побывать на море, то пришлось поучаствовать в написании пособия – рекомендаций для советских специалистов, отправляющихся в трудную поездку через каменную безводную пустыню на пустынный же берег моря.

На второй день моего пребывания в Каире (после Мамакана) уличная встреча с замурзанным мальчонкой, чистильщиком ботинок, явилась толчком к самостоятельному изучению английского языка. Мальчишка спросил: «Speak English?», я отрицательно покачал головой; «France?» - я снова покачал головой; «A! Rusy!»- и черным от ваксы пальцем пошевелил у виска. Это меня задело-заело, и я по прибытии на стройку

стал упорно овладевать английским, получив пару уроков у нашего переводчика. После смены тяжелой работы в тоннелях заниматься было нелегко, но я заставлял себя, вспоминая мальчишку-чистильщика (по-арабски «наддафа»). Помогало то, что египетские инженеры-офицеры говорили по-английски, и надо было преодолеть свою стеснительность и начать с ними общаться и на этом ломаном (в моем исполнении) языке. Моя жена еще и сейчас смеется: «Павлов выучит два-три слова и пытается с помощью их разговаривать!». Но постепенно пошло, через какое-то время меня просили переводить на рядовых советско-египетских производственных совещаниях. Правда, мое произношение так и осталось с немецким акцентом. Но приобретенные мною самообучением знания очень помогали мне в дальнейшем: я сдал кандидатский минимум, рассказывая на английском языке даме-экзаменатору о стройке и виденных мною египетских древностях, и затем в Сирии и Анголе общался с иностранными специалистами. Так что «спасибо» мальчишке-«наддафе».

По возвращении в 1967 году в Союз я с удивлением установил, что у нашей маленькой семьи нет нигде прописки (строительство Мамаканской ГЭС закончилось, а выехавшая в свое время ко мне жена выписалась с родительской жилплощади), и встал вопрос о трудоустройстве. Родителям Тани удалось вновь прописать ее у себя, а меня приписать в качестве мужа.

Москвич-приятель с Мамаканской ГЭС порекомендовал меня в Научно-исследовательский сектор (НИС) Всесоюзного института «Оргэнергострой» (Организация энергетического строительства). И начал я летать в командировки на гидростройки по всему Великому Советскому Союзу. Будучи руководителем группы, заведующим лабораторией технологии возведения бетонных плотин, занимался разработкой и внедрением прогрессивных элементов технологии на строительстве Чиркейской и Ингурской ГЭС на Кавказе, Токтогульской и Курпсайской ГЭС в Средней Азии, Саяно-Шушенской, Бурейской и Богучанской ГЭС в Сибири, Загорской и Днестровской ГАЭС в европейской части страны. Затем около четырех лет работал во Вьетнаме главным инженером треста основных сооружений на строительстве огромного гидроузла «Хоабинь» (в переводе на русский «Мир») на мощной реке Да (Черная). Пришлось учить и азы вьетнамского языка для бытового (рыночного) и производственного общения. Получалось! Даже тосты произносил на торжественных собраниях («хопах»). Вернулся домой в Одинцово в 1985 году, так как дочь закончила школу, и надо было определять ее дальнейшую судьбу. Она, как и родители, закончила МИСИ.

В период 1994-2002 годов работал в Сирии на строительстве гидроузла «Тишрин» руководителем авторского надзора за производством строительных работ, главным инженером, исполняющим обязанности главного эксперта «Института Гидропроект». Доброжелательность со стороны населения, свобода передвижения по стране для «руси» позволили ознакомиться со страной от Средиземного моря до границы с Ираком. В основном нас интересовали древности: раскопки шумерского, хеттского,

«В питомнике вьетнамской армии на юге страны нас удивляли внушительными экземплярами удавов, которые потом идут на изготовление лекарств для бойцов Вьетконга», 1984 год.

вавилонского, римского и других периодов, а также остатки многочисленных замков крепостноцев. В один из отпусков я ради интереса добрался на автобусах из города Алеппо (Сирия) через Турцию в город София (Болгария), а оттуда на поезде в Москву. Поразили прекрасное автобусное сообщение и дороги в гористой Турции. И, естественно, в очередной раз в оди-

ночку долго бродил по историческим местам Истанбула (турки так его и называют).

С 2004-го, чуть больше года проработал в Анголе на строительстве гидроузла «Капанда». Прилетев оттуда в Москву на совещание, сходил в поликлинику (до 70 лет эти учреждения я посещал только при оформлении в зарубежные командировки), где меня чрезвычайно удивили сообщением, что я перенес на ногах инфаркт! Как ни обидно, но мне пришлось закончить свои командировки, которые стали моей жизненной необходимостью. Но «се ля ви»!

Теперь работаю в Гидропроекте на бюрократическом поприще. Прислушиваюсь к наставлениям моей Татьяны Константиновны в части соблюдения режима питания и приема ненавистных таблеток, но часто их не соблюдаю.

Дочь и внучка живут, работают и учатся в Сиднее, стараются нечаянно не наехать на многочисленных кенгуру. Часто звонят Татьяне Константиновне, а я в это время работаю».

Глава 4

Выжить!

Он, деревенский пацан Колька Белоусов, не хотел умирать. Хотя смерть видел чуть ли не каждый день. Люди погибали от разрывов бомб, от огня, от пуль немецких оккупантов.

В дом, где его приютили дед с бабушкой, попал снаряд. Начался пожар. Он с бабушкой успел выскочить, а дед, раненый в ноги, не успел. Скоро и бабушка умерла. Ему тогда было всего тринадцать лет. Мальчишка! А прислониться не к кому. Мама умерла, когда ему исполнилось четыре года. В девять лет лишился отца, репрессированного и куда-то отправленного. Через год грозой убило старшего брата. И осталось Белоусовых двое: он и средний брат Толя. А тут война. Кому нужны сироты, когда своим детям есть нечего! И паренек понял: надеяться не на кого. Хочешь выжить – должен пройти этот ад.

Хуже всего донимал голод. И если летом ели крапиву, лебеду, пиканы, то зимой борьба за выживание стала еще острее.

После массированных бомбежек, которые с землей сравнивали Ржев, в их деревне, как раз под Ржевом, осталось всего три дома, один из которых был большой, там раньше размещалось правление колхоза. Оккупанты расположились в лесу, вырыв и прекрасно оборудовав там землянки. Даже электростанцию себе сделали. В старом правлении они устроили кухню, приспособив Кольку носить дрова и наполнять канистры водой из речки.

Четыре немецких коня-тяжеловоза (их звали ордэнами) по двое в упряжке таскали телегу с двадцатью 40-литровыми канистрами. Колька должен был эти канистры наполнять водой и поднимать к борту телеги – там их принимал немец. Главным было, чтобы тяжелая канистра не выскользнула из рук. За работу не платили, но была возможность стащить что-либо на кухню. Запах съестного вызывал болевые спазмы в животе.

-Комм zu mir!- мальчика звал немец, уплетающий кусок мяса. Колька насторожился, но двинулся к нему. Обглоданная кость полетела в него. Он для фашистов был как звереныш, и они хотели позабавиться, заставив его бежать за костью.

Спал Колька тут же при кухне на печи. И как-то ухитрился стащить у немцев полбуханки хлеба. А потом решил прихватить и сигареты, зажи-

галки, чтобы потом обменять на съестное. Немцы его поймали. Колька ощутил, как карабин уперся ему в спину. Была ночь. Немец решил расстрел «партизана» отложить до утра. Но Колька улизнул в дверь, в чем был – босиком, в одной холщовой рубаше, это в феврале. Убежав в другую деревню, он избежал пули или плена. Ведь в Германию угнали большую часть населения, не считали, 16 тебе лет или 13. Колька, пока был при воде, спасался этим. Потом стало сложнее. В другой деревне тоже его вскоре поймали (опять добывал себе пропитание – опять стащил полбуханки хлеба) и заперли в избу. Там были еще люди. Изба была обнесена колючей проволокой.

- Дяденька, не могу, писать хочу! – мальчик, шмыгая носом, стоял перед часовым.

- Иди уж. Побежишь – пристрелю.

Выйдя за дверь, Колька дал трепака, и проволока не стала препятствием закаленному физически в сиротской жизни пацану.

Ему удалось скрыться в соседней деревне. Но кормиться было негде. Любые действия партизан, а, судя по настроению оккупантов, они их нередко «беспокоили», вызывали расстрелы местного населения. Еврейских детей не стреляли – брали за ноги и головой об угол. Колька все это видел, но жил. Они, несколько мальчишек, ловили мелких птиц, ощипывали их и обжаривали в наскоро смастеренной буржуйке или просто на костре. Ближе к весне на дороге, соединяющей деревню с лесом, начал вытаивать навоз немецких орденов, которые всю зиму тут возили поклажу немцам. Ребята собирали этот навоз, выбирали из него непроваренную лошадыми кукурузу, которой кормили животных, подсушивали ее и ели. А еще находили трупы лошадей, погибших при бомбежке; они начинали уже портиться, но даже черви не смущали голодных пацанов. Мальчишки переворачивали труп – часть его, которая лежала на снегу, была вполне сносной. Срезали мясо и ели. С помоек около немецкой кухни выбирали картофельную шелуху и тоже ели.

Советские войска бились за каждую пядь земли. Утром деревня просыпалась при немцах, а к вечеру в нее вступали наши части. Но на другой день она переходила снова в руки врага.

Наконец, в марте 1943 года Калининскую область освободили от

Николай Белоусов во время службы в армии.

немецких оккупантов. Бездомных детей собрали, их было около трехсот, привезли в Торжок, а оттуда отправили в детдом. Так Коля Белоусов оказался в Оханском детском доме №1. Ему бы по возрасту в девятый класс идти, а он закончил лишь шесть. Оформив воспитанником, устроили его работать при детдоме коновозчиком. А при исполнении 16 лет направили в ФЗО. Так он больше и не посидел за партой в школе. И даже ботинок не поносил, пока был в детдоме. Все ходил в лаптях. В них и вышел в самостоятельную жизнь... Хорошее слово – детство, но его у Николая, пожалуй, и не было.

Из прикамского края не уезжал. Только когда служил в армии. Многие годы работал в Оханской строительной организации, был главным механиком.

День рождения у Николая Ивановича Белоусова – 9 мая. Но это он сам себе дату такую выбрал, когда при оформлении в детдоме спрашивали возраст. Год назвал правильно, а месяц и число - самое лучшее. Как у его товарища Коли Лебедева. А, может, тот тоже слукавил? Подумаешь, пара месяцев! Для ребят, познавших войну, испытавших на себе ужасы оккупации, День Победы стал главным праздником.

